

Савельев А.Н., Пыхтин С.П.

Послесловие к мятежу, М.: Smashwords,
2016

Авторы в ироничной манере комментируют политические и экономические процессы, происходившие в России в последние годы XX века, вскрывая преступные цели и разрушительные последствия деятельности "новой номенклатуры", пришедшей к власти после государственного переворота 1993 года.

Оглавление

К читателю	5
Предисловие к послесловию	6
Глава 1. "ФИЛОСОФИЯ" МОСКОВСКОЙ ВЛАСТИ	9
Город чудес в стране дураков	9
Воплощенное невежество	15
Лганье на глянцевой бумаге	27
Карманная Дума	33
Записки придворного холопа	39
Друг студентов, бедняков и мертвецов	45
Цинизм антифашиста	51
За президентским портфелем	54
Глава 2. УПАДОК МОСКОВСКОЙ ВОТЧИНЫ	66
Растрепанное хозяйство	66
Показуха и гигантомания	74
Гнездо коррупции	77
Номенклатура на службе у мафии	82
Нашествие монстров	88
Автомобильные воры и добропорядочные сенаторы	91
Выкрутасы номенклатурных патриотов	94
Номенклатурным мурлом к Церкви	103
Новый обман с выборами	112
Глава 3. ВЕРНИСАЖ ПЕРСОН ОСОБОЙ ПОДЛОСТИ	124
Два иска к одной книге	124
Любимый банкир и любимый строитель	131
Семейство паразитов	143
Цистерна помоев	156
Мелкий негодник с большим потенциалом	160
Последние председатели	167
Глава 4. ПО ПОЯС В КРОВИ, ПО ГОРЛО ВО ЛЖИ	179
Фальшивые слезы некрофилов	179
Вампиры и вампирши	185

Наперсточники	189	
Топливо-энергетическая олигархия	198	
Миазмы политического трупа	208	
Ворье на войне	217	
Ельцинизм с нечеловеческим лицом	224	
Базарная интеллигенция	235	
Свидетельства из помойной ямы	246	
Вторая казнь	258	
Глава 5. РАСПЛАТА ДЛЯ НЕГОДЯЕВ	263	
Отбросы демократии	263	
Грызня и любовь между "демократами"	273	
Политический стриптиз. Классика	281	
Академический маразм	285	
Мерзавцы	288	
Демокрад	292	
Герои мятежа	296	
Глава 6. ТЕАТР ДЕМНОМЕНКЛАТУРНОГО АБСУРДА	307	
Анекдоты как двигатель реформ	307	
Демократический туризм	310	
"Антифашистский" поход привидений на призраков	312	
Федерасты и педералисты	315	
Пассажир последнего купе	324	
Прокурорское око (по мотивам сказок Салтыкова-Щедрина)	326	
Сказка про сатаненка Борю	329	
Невыдуманная история о тихом депутате	331	
Демократическая пресса	336	
Телепаскудство на русской крови	343	
Гримасы политической рекламы	347	
Парный портрет	350	
Глава 7. ПРЕДВЫБОРНЫЕ ТРАГЕДИИ	353	
Профанация избирательной системы	354	
Виртуальная многопартийность	362	
Столичная драма	368	
Можно ли выбрать человекоподобного депутата?	377	
Коалиция политиков с неумытой репутацией	384	
Русское горе от столичного ума	396	
Упал-отжался, взлетел-вляпался	400	
Административная революция	413	
Глава 8. КУДА ИДЕТ РОССИЯ?	420	
Наследство мятежников	420	
Итоги пятилетки развала	425	
Болезнь столетия	429	
В новом тысячелетии (пессимистический прогноз)	434	
Политическое будущее России	439	
Нация - это стиль, идеология и организация	443	
Принципы и стратегия русского национализма	452	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	465	

К читателю

Эта книга должна была увидеть свет в 2000 году, когда авторы намеревались подвести итог десятилетию "демократического" правления в России, не оставив без внимания ни одного негодяя, кружившего в этот период головы впечатлительных "россиян". В стиле, варьирующемся от злой иронии Салтыкова-Щедрина до философских тем Ивана Ильина, авторы постарались затронуть самые животрепещущие проблемы России и назвать всех виновников ее плачевного состояния, не оставляя им шанса на безвестность.

К сожалению, книга не была выпущена. Не только потому, что наш третий автор, обещавший поддержать издание финансами и попросивший за это включить в книгу фрагменты его интервью (на подготовку которых ушло немало сил и времени), отошел в сторону. С 2000 года в сердцах людей возникли новые бесплодные надежды, а также страх выразить "не ту" мысль, "не то" слово, не попасть на очередном витке русской трагедии в "черный список" нового начальства, обосновавшегося в Кремле. Усталость от борьбы за будущее России охватила целое поколение политиков, интеллектуалов, издателей. Но прошло более полутора десятилетий, и теперь, кажется, усталость от нового начальства оказалась более глубоким переживанием, чем усталость от жизни, политической активности и необходимости отстаивать свое мнение.

Можно было бы назвать эту книгу "Месть летописцев". Много из того, что составляет досье на вору, оседлавшее Россию, начинает забываться. И те, кто истязает нашу Родину, отходя от дел, надеются, что их имена забудутся, а с именами и их дела не будут осуждены общественным мнением. Сохраняя летопись наших времен, мы поддерживаем народную память, в которой не должны поблекнуть преступления негодяев, нанесших России в последнее десятилетие XX века самый масштабный вред за всю ее историю, перекрывая вред от всех прочих иноземных нашествий, войн и революций.

Время неумолимо подвергает забвению события и имена. Мой соавтор Сергей Пыхтин скончался в 2011 году. Продолжая наше совместное дело, сохраняя по мере возможности все, что должно стать предметом исследований будущих историков и следователей, предлагаю вниманию читателей такую своеобразную летопись. И да не смутят их наши эмоции, нелюбезные оценки и неизбежные ошибки.

А.Н.Савельев, 2016

Предисловие к послесловию

Настоящее издание является продолжением книги "Мятеж номенклатуры (Москва 1990-1993 гг.)" и прослеживает дальнейшую судьбу ряда ключевых ее персонажей. Внешне простая задача, которую ставил перед собой автор "Мяте-жа...", обернулась значительными сложностями и неожиданными поворотами общей канвы книги. В процессе работы многие наши прогнозы сбывались на глазах, а коррупционеры становились сами поборниками борьбы с коррупцией.

В период 1994-1999 гг. одним из немногих, кто занимался темными делами, творящимися в Москве, — Владимира Кучеренко. Серия его публикаций, книга "Москва — империя тьмы", содержащая материалы, предоставленные ему свидетелями номенклатурного мятежа, а затем и другие его книги (выпущенные под псевдонимом), многое скажут тем, кто возьмется, наконец, вычищать авгиевы конюшни столичной и всероссийской номенклатуры. Хочется отдать должное мужеству и последовательности историка и журналиста.

Еще один журналист, не боящийся пинать московские власти - Анатолий Баранов, работал заместителем главного редактора газеты "Правда-5" (затем, одно время - в ВПК «МАПО»). Его статьи мы отчасти использовали при подготовке книги.

Серьезное влияние на позицию авторов оказало общение с бывшим председателем Краснопресненского райсовета Москвы Александром Красновым. Накал его полемики с Лужковым и прочими выкорышками номенклатуры до 1996 не ослабевал. Краснов атаковал прогнивший и проворовавшийся режим на выборах 1993, 1995 и 1996 годов, в некоторое время существовавшей радиопередаче «На самом деле». В последнее время тотальный контроль над прессой вынудил Александра Краснова на время замолчать. Но, как говорится, еще не вечер. Поддерживая Александра Краснова, мы своей книгой хотели бы выразить солидарность с его позицией, поместив в ней монологи этого смелого и жизнерадостного человека на самые животрепещущие темы. Мы сохранили яркий и своеобразный язык этих монологов, не стараясь придать им «причесанный вид».

Вслед за Кучеренко, Барановым и Красновым, на гнусные игрища московской и кремлевской номенклатуры мы отвечаем своей книгой и опять бросаем пер-чатку в номенклатурное мурло. Но не так, как это делает какой-нибудь «отмороженный» демократ, вроде экс-премьера С.Кириенко или наемный крушитель авторитетов вроде С.Доренко. Наши претензии конкретны, ибо нам доподлинно известна подноготная этой власти и многих, кто сегодня прикидывается патриотами, будучи в недавнем прошлом откровенными и отъявленными врагами России и русских.

Трудности по части подготовки очередной оплеухи московскому чиновничеству были связаны с тем, что критические выступления о деятельности одного из главарей номенклатурного мятежа — Лужкова — были в 1994-1998 блокированы практически повсюду. Многие соучастники мятежа ушли в тень, оставив политическое пространство для нескольких всемогущих персонажей, о которых дурного слова не скажи — объявят врагом демократии или фашистом. Только в 1999, когда Лужков без подготовки сунулся в драку за президентский пост, кое-где стали проскакивать критические нотки в его адрес, разрешенные из Кремля. Но в существо дела эта критика никогда не вдавалась, поскольку не могла затрагивать основы режима, созданного мятежом. Мы можем это сделать и делаем в своей книге, стремясь сохранить в истории соответствующие персонажи в их первоизданном виде — забрызганными грязью и кровью, со сладострастными ухмылками изуверов.

Подавляющее большинство средств массовой информации в 1994-1999 было угрозами и посулами вынуждено было освещать последние судороги ельцинского режима в самом привлекательном свете, славить на все лады Лужкова и подобных ему, направляя народное недовольство в пространство — без конкретного адреса и адресата, в крайнем случае — на второстепенные и ложные цели. Даже коммунистические издания пришли к тому, что им невыгодно серьезно ссориться ни с Лужковым, ни с Черномырдиным (и его преемниками на посту премьера), ни с режимом в целом.

В 1995 году Лужков и один из его ближайших соратников под предлогом защиты своих чести и достоинства подали иск на книгу «Мятеж номенклатуры». Судебный процесс по надуманному поводу растянулся на два года. Пресса делала вид, что этот процесс для нее неинтересен, а на деле элементарно трусила.

Лужковские юристы, в конце концов, спасовали перед теми, кто защищал право сказать негодяю, что он негодяй. Усилиями бывших депутатов Моссовета — издателя «Мятежа» А.Тюленева, адвоката В.Кузина и юриста Л.Иванова — номенклатура на этот раз была оставлена без удовлетворения. Ну а мы продолжаем свое дело — суд над режимом, породившим Лужкова и ему подобных.

Авторов «Послесловия к мятежу» удручил, но не смирил результат, полученный московским мэром на выборах 1996 года — почти абсолютная поддержка москвичей, сохранившаяся и до 1999. Остается печалиться по поводу слепоты и духовной немощи обитателей столицы, но думать о другом — о будущих поколениях, которым надо будет избавляться от непролазной дури и лжи ельцинского режима. Глаза и души раскроются для правды, когда красть будет нечего — все украдено, а лгать не о чем — все изолгано.

Поэтому мы продолжаем свою работу, продолжаем свой суд над передовым отрядом российской бюрократии — московским чиновничеством.

Что касается тематики немосковского характера (в основном о закулисных историях перед выборами и номенклатурной криминальщине), то они глубоко сплетены с историей Москвы. Об этом тоже стоит рассказать. Особенно о показательном процессе деградации «демократического» движения, «демократических» СМИ и их лидеров, почти доконавших нашу страну. Ведь в 1994-1999 гг. в этой сфере жизни произошли порой малозаметные события, которые, тем не менее, можно считать наказанием номенклатурных мятежников или прелюдией перед казнью.

И все-таки, для кого писалась эта книга? — мизерный тираж, никаких надежд всерьез задеть за живое опоенное ложью общество... Как писал Салтыков-Щедрин, которого мы не раз еще процитируем, “общество погрузилось с некоторых пор в такую смуту, что и само не разберет, пьяно оно или трезво. К кому обращаться со словом-то? - вот ведь к какому вопросу пришли. Будь слово самое трезвенное, все-таки найдутся пьяницы, которые перетолкуют его в пьяном смысле: будь то слово самое пьянственное — те же пьяницы будут плескать ру-ками”.

Понимая всю немощь сил правды и справедливости в растрепанном «реформами» обществе, мы уверены, что слово не пропадает даром. Свидетельство тому — огромный интерес к книге «Мятеж номенклатуры» со стороны тех, кто мыслит над судьбой России и чаёт ее процветания. Нельзя сказать, что этих людей так уж много, но у авторов «Послесловия к мятежу» их число вызывает удовлетворение.

Конечно, если только политические летописи писать, нам врагов России не одолеть. Но без летописей тоже категорически нельзя вернуть стране достоинство и смысл существования. Быть может то видение событий текущей истории, которое предлагается авторами книги, определенное как «необъективная история современной России», приглянется тем, кто всерьез захочет повернуть страну от нравственного и хозяйственного распада к славе и благополучию. Конспективно мы даем в книге обоснование идеологии русского возрождения, которая изложена нами в других изданиях достаточно подробно, а здесь выполняет роль источника света в конце темного туннеля номенклатурной преисподней.

Мы надеемся, что «Послесловие к мятежу» станет для многих важным источником информации и мировоззренческим ориентиром.

Авторы, 2000 г.

Глава 1. “ФИЛОСОФИЯ” МОСКОВСКОЙ ВЛАСТИ

“Кого ни слушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие — что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: ну где такое безобразие видано?! Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет”.

“...как ни обидна глупость, но при известной обстановке она может служить смягчающим обстоятельством. “Постыден, но без разумения” — такой вердикт еще можно вынести! Но ежели вердикт гласит кратко: “Постыден!” — и только по неизреченному милосердию судей не прибавляют: “с предварительно обдуманном намерением” — такого страшного вердикта положительно нельзя вынести!”

М.Е.Салтыков-Щедрин

Город чудес в стране дураков

Россию разрывают на части не только недалекие, амбициозные и откровенно враждебные ей политики. Самому их появлению страна обязана тем, что государственность объединяется с хозяйствованием, производственная организация экономики сливается с политической организацией общества, общенациональные интересы сводятся к интересам партийно-клановой номенклатуры. Дезориентация общества приобретает такие масштабы, что оно готово поверить любому беззастенчивому шарлатану, обладающему даром внушения. Или даже шарлатану без какого-либо дара – лишь бы сыпал обещаниями и кормил свою челядь. Конкурс на причастность ко двору, конкурс на милости номенклатурного барина – вот что совращало население, проспавшее свое будущее и давшее разрушить страну.

Среди деятелей так называемой “новой России”, личности которых обращали на себя особое внимание, особое место занимает господин-товарищ Лужков. Как господин, царствующий над десятиллионным городом, как товарищ, принятый на всех этажах власти и в зарубежных клубах богатеев и прохиндеев. Его деятельность отнюдь не ограничивалась мэскими полномочиями, он – крупнейший приватизатор власти и собственности. Он – крупнейший политический шарлатан и совратитель народа.

Амбиции Юрьмихалыча, подстегиваемые амией льстецов, простерлись так далеко, что к концу 1996 г. ни для кого не было секретом стремление московского градоправителя занять место российского президента, когда оно освободится после завершения карьеры Ельцина. Несмотря на то, что сам Лужков настойчиво отказывался от подобных предположений и не уставал повторять, что они несовместимы с его “этикой” и “моралью”, честолюбивые замыслы мэра были слишком очевидны. Особенно после того, как наш герой оказался не только мэром, но с лета 1996 г. стал еще и законодательствовать в “сенате”. Законодательствовал он шумно, переходя на стиль общения, принятый на стройплощадках и перенесенный затем в мэские кабинеты. Шум был на публику, которой доказывалась способность Лужкова хамить не только в московских, но и во всероссийских масштабах.

Как бы то ни было, воззрения Лужкова, а не только его служебные поступки или льстивые статьи о его выдающихся качествах, должны быть подвергнуты тщательному рассмотрению. Обществу, в течение десятилетия занимающемуся избранием своих вождей (о чем оно совсем недавно не смело даже мечтать) и делающему, как показывает практика, один нелепый и опасный выбор за другим, необходимо составить объективное представление о сущности человека, постоянно включаемого в пятерку наиболее влиятельных политиков России. Надо понять его «философию», чтобы знать, отчего стране так трудно жилось все эти годы.

Будучи на подступах к вершине государственной власти, Лужков сделал два достаточно ответственных заявления, выявившие основные черты его реальной политики с самодовольной прямоотой и беззастенчивой откровенностью. В одном из его интервью (КП 08.10.96) говорится: “Недавно я был в Саратове — там собрался весь цвет общественности города. Когда рассказал им о том, что сегодня представляет собой Москва, ее экономика, бюджет и условия взаимодействия с регионами, люди аплодировали. Они были изумлены: многие ведь до сих пор считают, что Москва — это империя зла, нахлебник, чужеспинник, город, который обирает всю Россию. И когда я сказал, что Москва вносит 25 процентов бюджета Российской Федерации, зал загудел. Как так — вся Россия, великая страна, грандиозная территория, 170 миллионов человек — на четверть питается от Москвы? А выходит так — в России всего 17 субъектов Федерации являются донорами”.

Иными словами, Лужков объявлял себя кормильцем вся России! Но за перевираанием реальной ситуации нам видится и еще один важный момент — стиль градоначальника, чье хозяйственно-политическое мышление демонстрирует субъективно-региональный идеализм (или идиотизм?).

Безапелляционность, превращенная мэром столицы в ораторский прием, имеет и свою оборотную сторону. На это указывает второй документ — письма Лужкова молодым избирателям, расцвеченное лживыми мифами, наполненное показной бодростью.

В зависимости от состава аудитории и от того, находится ли он “среди своих” или трудится для собственной популярности, по одному и тому же вопросу у Лужкова имеются как минимум две — прямо противоположные — точки зрения. Для узкого круга коллег-губернаторов Россия и ее хозяйство “уже угроблены”, для молодежной аудитории она продолжает оставаться “великой страной с грандиозной территорией”. Для участников совещания за закрытыми дверями государство находится в “диком положении”, для публики — праздничное меню из мифов, побасенок и легенд об экономике и бюджете, после которых провинциальный “цвет общественности города Саратова” раздражается аплодисментами, не подозревая, что является участником очередной мистификации, подготовленной в “империи зла”.

Объективный, закономерный характер общественного развития отброшен в сторону. Его сменил откровенный субъективизм. Внушается суеверие, что “руководитель субъекта Федерации” в состоянии снизить или увеличить потребление производственных, энергетических или продовольственных ресурсов, что в его воле превратить “регион” из “дотационного” в “донорский”, что лишь одного его желания достаточно для того, чтобы региональное хозяйство “расслабилось” или “напрягалось”. “Лучший мэр” (такое звание Лужкову присвоено в какой-то из многочисленных в России империй лжи) убежден, что при необходимости каждый “наместник” в состоянии совершить седьмой подвиг Геракла, и выгresti из Авгиевых конюшен нечто полезное и ароматное.

Рассматривая Москву в качестве своего владения, которым он вправе самовластно распоряжаться, столичный мэр, недовольный теперь политикой правительства России, заявлял, что готов “федеральный город”, подвластный Ельцину, подчинить Татарстану, возглавляемому Шаймиевым, поскольку дипломатичному наследнику болгар удалось превратить свой улус в ассоциированное с Россией государственное образование, выплачивая в общероссийскую казну чисто символические налоги.

Спрашивается, разве порядки, которые пытается навязать обществу Лужков, отличаются от уровня развития, свойственного раннему средневековью, в условиях которого любое государство представляло собой конгломерат практически самостоятельных княжеств с обособленной, замкнутой экономикой? Можно ли найти принципиальное различие между этими заявлениями и тем, что провозглашал в свое время, например, изменник и бунтовщик Дудаев? Быть может лишь то, что “хозяин” Москвы принадлежит к поклонникам феодального, а бывший “хозяин” Чечни — первобытно-патриархального общественного строя. Один, чтобы “приобрести небывалый экономический потенциал”, готов был русскую столицу превратить в татарскую вотчину, другой одну из провинций России — в “самостоятельное государство Ичкерия” с примитивной родоплеменной системой.

Оценим теперь мысли Лужкова, создающие картину “экономики, в которой все складывается лучшим образом”.

Экономические схемы, построенные лучшим образом, предполагают, что вместо действительно самостоятельных предприятий, создающих материальные, интеллектуальные и культурные ценности, действует территориальный хозяйствующий субъект во главе с правителем, совмещающим в одном лице власть государя, собственника и управляющего, который считает “своим” все, что находится на “его” земле, и “чужим” то, что находится вовне.

Общепризнанная собственность на средства производства и естественные природные ресурсы превращается в результате приватизационных манипуляций не в частную собственность юридических лиц, а в собственность территориальных магнатов, правомочия которых можно сравнить разве что с правами феодальных князей средних веков.

Потребность в модернизации общественных отношений благодаря таким энергичным «мыслителям» и «деятелям», как московский мэр, оборачивается абсурдом, нонсенсом — реставрацией в стране порядков XII века, девиз которых: «вассал моего вассала не мой вассал», — и таким образом, к неизбежному в дальнейшем распаду на сотни убудочных «территориальных образований», которые даже государствами в государстве можно будет назвать лишь в виде горькой шутки.

Государственная власть из средства защиты граждан превращается в их нещадного эксплуататора, поскольку экономика, организованная таким образом, стремится свести к минимуму количество населения, рассматривая любые расходы на него как непроизводительные издержки, подлежащие изживанию.

Следовательно, когда процесс, о котором мечтает Лужков, будет приведен в действие, то вслед за упразднением Советской России (СССР), а затем “реструктурированием” Российской Федерации начнется обособление первичных территориальных элементов — районов, округов и городов. Что же касается самой Москвы, то ее мэр, наконец-то ощутивший себя независимым и свободным, окажется перед точно такой же фрондой префектов и супрефектов, которые так же, как и их патрон, начнут скрупулезно считать, какая часть Москвы является для московского бюджета “донором”, а какая “реципиентом”.

Сошедшая с ума вслед за Лужковым и его единомышленниками, страна получит вместо экономики современного типа, к которой оно созрело, к которой стремится, нечто до такой степени архаичное, что по своим характеристикам будет вторым изданием крепостничества, формой модернизированного средневековья со всеми прелестями его общественных отношений, которые могут существовать лишь в одном случае — если в “субъектах Федерации” будет установлен режим беспощадного насилия, откровенной тирании.

Разумеется, в этих экономических условиях ни о каком развитии производительных сил, современных производств, передовых технологий не может быть и речи. На месте единого экономического организма, расширенного до пределов государственных границ Российской Федерации, должны появиться не менее 89 замкнутых “экономических систем”, существующих в режиме автаркии, представляющих собой нечто вроде “поместий”, увеличенных по сравнению со своими предшественниками в сотни и тысячи раз. Регрессивный характер такого типа хозяйствования приведет к достаточно быстрому абсолютному уменьшению населения страны, его деклассификации и дебилизации. Спрос на высококвалифицированные кадры, особенно в сферах науки, тонкой технологии и образования исчезнет сам собой.

Вслед за сокращением экономического и демографического потенциала в сумасшедшей стране объективно сократятся и возможности обороны. С Россией как великой державой будет покончено. Она прекратит свое существование в течение нескольких, если не одного десятилетия и будет, так или иначе, захвачена мощными соседями.

Таковы в общих чертах неизбежные последствия бюджетно-экономической доктрины, пропаганда которой интенсивно ведется в последние годы. Внешнеполитическая дезинтеграция страны, осуществленная в период президентства Горбачева, и внутривнутриполитическая дезинтеграция, завершаемая в президентство Ельцина, найдут свое логичное продолжение в окончательном экономическом и государственном распаде России, если только этому процессу саморазложения не будет положен конец.

Деньги — единственная страсть, которую постоянно испытывает руководитель территории, “сидящий на хозяйстве”. Но в отличие от организатора производства, создающего средства за счет развития предприятия, “руководитель территории”, несколько не заинтересованный в промышленном росте, добывает деньги там, где можно использовать привилегии, где не требуется крупных капиталовложений или же напротив, там, где кто-то намерился вложить деньги и есть административные рычаги выживания из

него дополнительных средств «детишкам на молочишко». Именно поэтому бюрократия Москвы симпатизирует банкам-ростовщикам и покровительствует торговым посредникам, нисколько не заботясь о материальном или научно-техническом производстве, именно поэтому строительные монстры громоздят в Москве фантастически дорогое жилье, безумно шикарные гостиницы и торговые центры, более похожие на выставочные залы. Не беда, что промышленная и научная жизнь Москвы едва теплится, главное — не иссякает поток денег в городскую казну, которую можно без особого напряжения приватизировать.

Если мэр столицы протестует против упорядочения деятельности “челноков”, значит именно с их торгово-посреднических операций легче всего получить разного рода доходы. Отнюдь не случайно относительно “ликвидации рабочих мест” отделяются пустопорожней демагогией, прикрывая фактическое безразличие человеколюбивой ссылкой на государство, которое “все больше и больше выбрасывает на улицу”. Мэр столицы не политик, он предприниматель от политики, заявляющий о себе: “Я хозяйственник!”.

Что обеспечивает доходность от предприятий северной части Тюменской области? Нефть и газ. А предприятий, расположенных в Башкирии, Татарии, Свердловской, Самарской и некоторых других областях? Их все еще не до конца разбазаренная устойчивость, созданная всей страной в период “плановой экономики”. Отчего Москва, в которой фактически не работают крупные производства, производит такую массу денег? Благодаря банкам-спекуляторам, превратившим ее в город, живущий на грабительские проценты, обирающий и жиреющий за счет всей страны. Тут еще, например, и «Газпром», который перечисляет в бюджет Москвы, на территории которой нет никаких скважин или крупных хранилищ, налоги – в 1996 году 3,8 млрд. рублей, в 1997 – 7,9 млрд. (МК 01.12.98). Те, кто приватизировал целые отрасли, кормит и территориальную бюрократию – ради стабильности и воровской солидарности. Но и ненавидит ее, стараясь улучшить момент, чтобы вспороть жирное брюхо бюрократа-бездельника, выписывающего справки и живущего на этом бесполезном деле.

В борьбе правительства Москвы с правительством России проявляется не столкновение концепций развития, а противоречия магнатов-монополистов. Критика, которая обрушивается на правительство, является отголоском непримиримой вражды, возникшей между отдельными кланами, не сумевшими договориться о принципах раздела страны, собственности и доходов, а значит - и власти.

Деление России на регионы-доноры и регионы-реципиенты не просто абсурдно, а и опасно. Поскольку территориальная неравномерность в распределении хозяйственного потенциала носит объективный характер, нет и не может быть “хороших” и “плохих” областей, краев или городов. Юридическое “равенство отношений”, на которых настаивает г-н Лужков, означает усугубление фактического экономического неравенства, в которое обязательно попадут граждане страны в зависимости от места своего жительства. Вслед за имущественным неравенством возникает территориальное неравенство, зависть населения одного региона к другому, за которыми следуют сепаратизм и политический распад.

Отсюда понятно, что может произойти, если, с одной стороны, “выравнивать экономические условия взаимодействия регионов с государством”, а с другой - расширять и дальше для Москвы и других “регионов-доноров” льготы и преимущества. Не пройдет и нескольких десятилетий такой политики, как от “грандиозной территории” Российской Федерации останутся отдельные разрозненные клочки. Остальные территории от такого “равенства” разбегутся в разные стороны.

Смехотворна в этой связи ссылка на опыт США времен “великой депрессии”. Рузвельт вводил государственное регулирование, а Лужков ратует за региональное регулирование; чтобы преодолеть кризис; Америка консолидировалась, а Россия распадается на составные элементы; американская элита стремилась к мировому

господству, а элита Москвы — к частному благополучию по принципу *ede, bide, lude* — ешь, пей, веселись.

Лужков не может себе представить, что преодоление общенационального кризиса в экономике зависит от того, насколько решительно будут ограничены гипертрофированные, не обеспеченные реальным богатством денежные доходы столицы. Наоборот, его одолевают проекты, как свести к минимуму доходы конкурентов, всей остальной России, среди которых на первом месте — сырьевые отрасли.

Что произойдет с топливно-энергетическими отраслями, если «заморозить долги по топливу» и «в разы снизить цены на их продукцию», как предлагает Лужков? Подчиняясь рыночным законам, нефть, газ, уголь, древесина хлынут за рубеж. Исчезнет сырье даже там, где еще что-то перерабатывается. Безработных будет еще больше, а значит, произойдет увеличение числа тех, кто вместо производства будет вынужден заниматься посредничеством. Оказавшись в «армии челноков», они и увеличат московские доходы. Следовательно, Москва сможет «кормить деньгами» (но деньгами, за которыми нет реального товарного обеспечения) уже не четверть, а треть и даже половину населения страны, превращенного, таким образом, из самодеятельного в призраемое. Единственное неудобство, которое придется испытать столице в прямом и переносном смысле, так это топливо, которое «челнокам» придется привозить на собственном горбу из Турции, Китая и Арабских эмиратов, чтобы не замерзать зимой.

Таким образом, если подвести итог анализу принципов, которые «лучший мэр страны» довел до сведения всех заинтересованных лиц в 1996 году, оказывается, что в политическом отношении они направлены на то, чтобы уничтожить Россию экономически, а в экономическом — чтобы уничтожить ее политически. Политик, публично провозглашавший, что он является сторонником рыночных преобразований и противником прежней, административно-командной системы хозяйствования, в свое время высокопарно назвавший администрацию Москвы «правительством реформ», предстает в облике закоренелого реакционера, пытающегося в конце XX столетия воскресить экономические и общественные порядки средневековья.

Перед нами не современный государственный деятель, стремящийся к тому, чтобы когда-нибудь стать «ключевой фигурой в государстве», а феодальный правитель, которому не терпится превратиться в полновластного вассала при сюзерене, и интересы которого ограничиваются его вотчиной, где он чувствует себя непререкаемым «хозяином». И слава Богу, что дурь Лужкова не расплескалась по России — это были бы «реформы» похлеще гайдаровских.

«Предел моих устремлений — Москва», — заявлял г-н Лужков, удовлетворяя не столько любопытство журналистов, сколько успокаивая подозрительность дряхлеющего «монарха», опасющегося, как бы за его спиной не сложился заговор, в котором честолюбивому мэру столицы может быть отведена решающая роль.

О том, насколько серьезно распространилась в этой среде психология заговоров и насколько далеки ее отдающие нафталином представления от политических технологий, можно судить по тому, как г-н Лужков искренно радуется, что «в их политической жизни» борьба за власть не сопровождается «войной, где противники уничтожают друг друга даже физически»; или демонстрирует непонимание: «какое моральное право имеет человек, который добровольно согласился работать в президентской команде, заявлять о своих претензиях на власть?»

Не предъявляя явных претензий на высший государственный пост, «лучший мэр» считал, что глава региональной исполнительной администрации должен иметь такую власть, которая бы носила абсолютный характер, чтобы она творила чудеса и демонстрировала нечеловеческую силу.

Все, что с таким апломбом декларировал г-н Лужков, представляет собой не демонстрацию глубокого понимания процессов управления современным государством, а откровенное ретроградство. В пассажах «серьезного политика», каким считался г-н

Лужков, сквозил злой политический инфантилизм, прекрасно совмещающийся у него с визгливой риторикой.

Греческий эпос хранит предание о царе Мидасе, прикосновение которого к любому предмету превращало последний в золото. Ничего хорошего из этого не получилось. В Москве существует собственный эпос — о величайшем хозяйственнике с выдающимися, героическими качествами. Не приходится сомневаться, во что могут быть конвертированы эти сомнительные таланты. Если русское общество заинтересовано в самосохранении, развитии, то единственная работа, которую можно поручить современному московскому Гераклу — это деятельность золотаря.

Воплощенное невежество

“Демократизация” в стране привела к тому, что академики стали плодиться как кошки. Даже пара лужковских префектов, вкупе с другими правительственными чиновниками, стала обладателями этого высшего научного титула. Разумеется, не имея никаких на то оснований — не то что авторских монографий, но подчас даже мало-мальски научных публикаций.

Лужков тоже решил приобщиться к науке. Одним из ярких свидетельств тому служит выступление перед студентами РГГУ (историко-архивная вотчина отставного демократа Ю.Афанасьева — большого друга столичной номенклатуры любой политической принадлежности). Студенты и преподаватели истекали слезами умиления, услышав невразумительное обоснование “перспектив социально-экономического и политического развития России” (“Эгоизм власти”, М.: РГГУ, 1996).

Для нас же изданная стенограмма выступления и ответов на вопросы интересна тем, что позволяет глубже проникнуть в потемки мэрской души, ставшей экспериментальной кухней постсоветской номенклатурной интриги, фабрикой закрепляемых ее политикой суждений.

Вводная часть замечательного документа представляет собой примитивнейший анализ итогов выборов в Государственную Думу в 1995 году, который не рискнула бы поместить на своих страницах ни одна порядочная газета (таковых, впрочем, еще поискать). В этом “анализе” Лужков постарался мягко отстраниться от правительства, получившего на выборах, несмотря на мощное административное и психологическое давление на избирателя, всего около 10% голосов. Причина тому — ожидание, что Ельцин отдаст премьера Черномырдина на закланье ради крупниц популярности в свою политическую казну. Лужков не преминул отметить в своем докладе, что около 20% голосов, полученных блоком “Наш дом...”, Черномырдин приобрел в его личной вотчине и татарской республике, которые вели “независимую политику”.

Выходит, что больше всего голосов Черномырдин получил именно там, где меньше всего мог управлять ситуацией. Где-нибудь на Канарах он, возможно, мог бы получить еще больше. И вот эта очевидная нелепица брошена теоретизирующим Лужковым в физиономии раззявивших рты студентов и преподавателей РГГУ. При всем притом, разгадка парадокса проста. За НДР больше всего голосов получено там, где политика правительства меньше всего обчистила карманы населения. Не в том, конечно же, плане, что была осуществлена более или менее разумная политика. Просто некоторые территории стали своеобразной метрополией, наживающейся за счет остальной части страны. Вот там довольных начальством больше всего (да и самого начальства — целые полчища).

Отмечая, что провинция голосовала заметно иначе, чем столицы, Лужков полагался на распространение столичного мировоззрения на всю страну. Он явно упустил из виду, что процесс давно уже пошел вспять, что провинция просто наелась “реформ”, которые принесли москвичам очередное подтверждение их исключительности (но вовсе не благополучие и достаток). Выборы 1995 года показали, что “красный пояс” территорий вокруг центральных районов страны затянулся в “красную удавку” вокруг столицы.

Впрочем, Лужкову в ближайший период нечего было особенно бояться за свою голову даже в случае победы коммунистов (того, что скрылось после президентских выборов под маской “народно-патриотического” блока). В худшем случае он уйдет на почетную пенсию. Или же останется на хозяйстве, вновь прикинувшись напрочь деполитизированным управленцем. Миф о таком аполитичном хозяине Москвы Лужковым подогревался несколько лет, и так просто чары не рассеются. Но все-таки... Не видеть явную опасность и демонстрировать свое неведение по поводу направления движения политического маятника публично — глупо. Слушать эти нелепицы студентам РГГУ просто стыдно. Но слушали, куда деваться.

То же самое можно сказать и по поводу неуклюжих реверансов в адрес пол-ностью провалившейся команды Гайдара. Говорить, что гайдаровские выкормыши были профессионалами, которые все-таки имели какой-никакой план реформ, а нынешнее правительство — и того не имеет, по меньшей мере некорректно. Ничего они не имели. Малограмотный “доктор” Гайдар вообще ничего не мог “иметь”. Импотенция, видите ли...

В своем выступлении Лужков постарался еще раз пнуть временно смотря-щего в политическое небытие Чубайса. При этом ему довелось высказать тезис, потом повторенный Ельциным, — если бы не Чубайс, НДР получил бы не 10%, а 20% голосов на выборах. Ельцина околуполитические шутники поправили — если бы не Чубайс, то НДР получил бы точно 20%, а вот если бы не Черномырдин, все 40%. Лужкова поправить не смогли или не захотели. Скорее всего, Ельцин стал менее опасной мишенью для острот, а Лужкова предпочитали не трогать.

Перейдем к экономическим воззрениям мэра Москвы. В целом их можно отнести к такому антинаучному направлению экономической публицистики как ГАВРИЛОПОПОВЩИНА (по имени «первого мэра» и псевдогрека Гаврюшки Попова).

Ключевой довод “гаврилопововщины” состоит в том, что государство, дотируя различные слои населения и виды деятельности, недоплачивает гражданам. Выход здесь, по мнению гаврилопововцев, прост — прекратить дотации и выплачивать гражданам деньги, которые они по своей воле потратят на собственные нужды. В таком случае деньги вроде бы должны пойти туда, где услуги им будут предоставлены лучшего качества. Если же говорить о методе приватизации, то “гаврилопововцы” (и Лужков) полагают, что приватизированы могут быть лишь приращение дохода и амортизационные отчисления.

Представить себе экономику, организованную подобным образом, можно только в “четвертом сне Веры Павловны”. Этот сон не будет иметь никакого отношения к реальной экономике, реальным процессам в ней. Ведь в реальности никакой конкуренции по части качества товаров и услуг сегодня не существует, а при нынешней политике ее не предвидится и в будущем. Может быть, в Москве еще удастся найти по соседству магазин почище и с ценами чуть ниже. Да и то вряд ли. Попытка же ликвидировать общественные фонды потребления привела к их полной ликвидации (приватизации чиновниками) без всяких компенсаций. Теми же поповыми и лужковыми, вешавшими нам лапшу на уши еще в конце 80-х. Зарплата от этого не только не возросла, но и серьезным образом сократилась.

Что же касается положения собственника, в реальной жизни он только тогда имеет шанс стать ответственным, когда рискует этой собственностью, а не только “амортизационными средствами”. Если владение собственностью носит усеченный характер, никакого желания пользоваться ею рачительно не возникает, как не возникает его и по отношению к уворованной (приватизированной) собственности, ради создания которой не пришлось шибко потеть. Зато возникает желание варварски и воровски ее эксплуатировать. И вот Лужков, выступая перед студентами, призывал пойти по второму кругу реформ, обманывая себя и других сказками о самопроизвольном появлении “эффективного собственника”, смущая публику зарплатой в 400-500 долларов против

нынешних 150. Если кому-то все это по душе — его воля дурить себе голову мечтами об устроении зарплаты. Для умственно здорового человека все это — злонамеренное вранье.

Необходимо остановиться еще на одном тезисе Лужкова. Он говорит, что собственники “обменяли власть на собственность” не для расширенного воспроизводства, а для перепродажи и спекуляции. И вроде это по делу, даже самокритично: кто собственность на власть меняет, кто власть на собственность. Но посмотрим на тезис Лужкова внимательнее.

Во-первых, мысль об обмене власти на собственность впервые прозвучал именно в адрес лужковского правительства еще в 1991 году. Тогда Лужков и его команда, проявив явную трусость, не пришли на организованную телевидением дискуссию в театре “Сфера”. Интересы московских хозяйственников отстаивала пара Л.Пияшева—В.Миронов, сиротливо пристроившаяся в уголке пустой трибуны (первая — некогда известный журналист, прикинувшийся публицистом, второй — соратник разорителей страны, прикинувшийся депутатом России и Москвы). С трибуны предпринимателей отстаивал интересы Лужкова некто К.Затулин (комсомольские оперативник и внезапный биржевик). Именно в этот момент одним из нас (авторов книги) был выдвинут тезис об обмене власти на собственность. И касалось это именно Лужкова и его тогдашнего патрона Гаврилки Попова. Лужков вторично “изобрел” этот тезис (формально все еще правильный) с задержкой на пятилетку. Такой вот склероз в осознании социально-экономических процессов.

Во-вторых, где это Лужков разглядел “эффективного собственника”, откуда ему было бы взяться, если не путем смены хозяина? От спекулянта собственность должна рано или поздно (в наличествующей ситуации, конечно же, поздно и мучительно) перейти к “эффективному хозяину”. Что ж тогда критиковать спекулянтов? Ведь без них не будет и собственников! Опять нестыковочка выходит. Уж если захотелось иметь “эффективного собственника”, то надо прекращать воровать. Собственник будет ответственным, когда вор будет сидеть в тюрьме, а изобретатель дурного глубокомыслия — в доме престарелых или умалишенных. Не ранее.

Далее в своем докладе Лужков пользуется любимой идеей своего давнего экономического советника — бывшего депутата Моссовета Кемера Норкина — идеей о ренте за пользование природными ресурсами. Согласно этой идее, предприниматели сырьевых отраслей должны получать прибыль только за счет эффективной организации производства — не более того. Все остальное должны съедать налоги на пользование природными ресурсами, которые должны составлять 60-80% мировой цены. Мэр столицы наивно (а может быть и с некоторой задней мыслью) предлагал вернуть ренту за природные ресурсы в бюджет государства и тем самым решить практически все финансовые проблемы — проблему зарплаты, проблему неплатежей, проблему оборотных средств предприятий. Ежу понятно, что все это — не более чем “российская мечта” об экономическом чуде... Не предвиделось условий для такого оборота дела. Напротив, в тот период воровали сырье направо и налево. И в Москве им тоже торговали, снимая пенки с завышенного потребления в отопительных системах.

Что оставалось от «умного тезиса» при столкновении с реальностью? Полоумье без просвета...

Говоря о свободе конкуренции, которая “выравнивает норму прибыли”, Лужков демонстрировал вопиющее невежество. Ему даже мысли экстралиберала Дж.Сороса о том, что свободная конкуренция и эффективная конкуренция — не одно и то же, не была известна. К тому же все это никак не клеится с регулированием сырьевых отраслей и усечением прав собственника, на которые рассчитывал Лужков.

Мэр, выступая за свободу конкуренции, говорил о том, что расчет на “доброе” государство безоснователен, а потом вдруг выписывал реверансы в адрес малоимущих, пенсионеров, инвалидов, матерей одиночек, которым, как оказывается, “надо уделять первостепенное внимание”. Иначе, будто бы, реформы не будут иметь успеха. Так нужно

“одаривать” бедняков или нет, нужно регулирующее воздействие государства или нет? По Лужкову выходит, что нужно и то, и это. Может это и так, да только тогда надо доходить до проблемы «как», отбросив очевидные благоглупости.

Такие случаи “плюрализма в одной голове” известны. Когда у Винни Пуха спросили, будет ли он есть хлеб с вареньем или с медом, он ответил: “С вареньем и с медом, и можно без хлеба”. В сказках такое бывает, в жизни — нет. А если и бывает, то только с печальным исходом — быстро кончаются и варенье, и мед, и хлеб.

* * *

Второй виток социально-экономической мысли мэра раскручивается по поводу проблемы индивидуализма и коллективизма, давно изученной вдоль и поперек мыслителями всех профессий, которые Лужкову просто не известны. Та точка зрения, которую высказывал Лужков, именно поэтому и оказывалась старой и скучной, да к тому же, разделяемой весьма ограниченными людьми.

Лужков говорил: “Наша задача — пробудить в каждом человеке ясное понимание того, что он и только он является высшей инстанцией, ответственной за собственное благополучие”, “...нужно исходить не “из принципа”, а “из выгоды”. Развитием общества должны править польза, выгода. Личная польза, личная выгода!”

К этому мы снова приведем слова Салтыкова-Щедрина: “Есть множество средств сделать человеческое существование постылым, но едва ли не самое верное из всех — это заставить человека посвятить себя культу самосохранения. Решившись на такой подвиг, надлежит победить в себе всякое буйство духа и признать свою жизнь низведенною на степень бесцельного мельканья на все время, пока будет длиться искус животолубия”.

Далее уж и вообще мэра заговаривается: “То, что человек всегда действует в собственных интересах, не вызывает сомнения”.

Это, как говорится, чушь собачья. Мерзавцы и негодяи, в самом деле, действуют так всегда, но общество стоит совершенно на других основаниях. Оно не на подлецах держится, а на подвижниках, бесребрениках и героях. “В собственных интересах” под пули в атаку не ходят.

К этому мы снова процитируем Салтыкова-Щедрина: “Шкурный инстинкт грозит погубить, если уже не погубил все прочие жизненные инстинкты. Ужасно подумать, что возможны общества, возможны времена, в которых только проповедь надругательства над человеческим образом пользуется правом гражданственности. Уши слышат, очи видят — и веры не имут. Невольно вырывается крик: неужто все это есть, неужто ничего другого не будет? Неужто все пропа-ло, все? Ведь было же когда-то время, когда твердили, что без идеалов шагу ступить нельзя! были великие поэты, великие мыслители и ни один из них не упоминал, о “шкуре”, ни один не указывал на принцип самосохранения, как на окончательную цель человеческих стремлений”.

Лужков же, как раз и думает, что человеческое бытие добродетельно только в том случае, если добрый сын отечества только тем и занят, что насыщается, переваривает и извергает — все в соответствии с “собственными интересами”.

Великий Салтыков предупреждает нас: ежели хоть на миг верх у нас возьмут хлевные идеалы, “мы будем хлеб сеять на камне, а навоз валить во щи”, нас просто вша заест! Именно это и происходит. А тем временем из уст Лужкова открыто звучит “крамола против человечества, против божьего образа, воплотившегося в человеке, против всего, что человеку дорого, чем оно живет и развивается”.

Личная инициатива, согласно декларациям Лужкова, всегда эффективнее государственного управления. Это обосновывается тем, что личная инициатива связана с личным риском. Жесткие правила этого риска заставляют прыгать с 101 этажа в случае неудачи. И это Лужков считает неизбежным. По его выходит, что лишь риск обуславливает экономическую эффективность.

Это утверждение и рядом не лежало с истиной. Даже для колхозного базара это – бред сивой кобылы. А еще – наглая пропаганда собственного тунеядства – мол, личная инициатива все отрегулирует, а я в сторонке подожду, чтобы не вспотеть. Но и поживлюсь, если что на этой личной инициативе.

Мы можем привести пример крайней экономической неэффективности, основанной на личной инициативе. В условиях “демократических реформ”, как известно, расплодилось масса фирм. Множество людей вынуждены были оторваться от производительного труда и спешно осваивать бухгалтерский учет, основы экономики и науки управления, изучать закономерности фондового рынка, а главное — способы обмана государства и ухода от налогов... И это лишь плата за то, чтобы выйти на рынок и обнаружить там пространство, поделенное номенклатурными монополиями и терзаемое рэкетирами. При таком растратном механизме нельзя ожидать возникновения мало-мальски новых товаров, новых технологий, новых орудий труда. Множество мелких самоучек, вынужденных отбросить свое образование, не в силах создать экономическую эффективность. Они создают лишь обстановку экономической деградации, пустой суеты и никчемной растраты творческой энергии.

Лужков изобретает два вида капитала — производительный и паразитический. Первый работает по схеме деньги-товар-деньги, второй занимается перепродажами вроде деньги-сырье-деньги. Причем под “сырьем” Лужков понимает все, что можно присвоить и продать.

Для нас ясно, что сказанное нашим «теоретиком» к экономическим закономерностям никакого отношения не имеет. Есть форма обогащения, опирающаяся на прямой захват национального достояния, а есть производство товаров, услуг и знаний. Это ничего не меняет в схеме деньги-товар-деньги. Вот когда на место “товара” в эту схему попадают снова “деньги” или слово “власть” — действительно возникает паразитическая система, которая формально не противоречит ей (то есть, власти), а на деле является тем же способом захвата национального богатства, что так “эффективно” применила посткоммунистическая номенклатура. Уж здесь, Юрий Михайлович, предъявляйте претензии к своим уполномоченным банкам, да строительным монстрам, к своей воровской клике. То-то они жиреют, когда хиреет экономика!

Наконец, третий пирует мыслей мэра — вокруг местного самоуправления. Опять тут кто-то из “литературных негров” пишет Лужкову полную дребедень.

Что такое местное самоуправление для Лужкова? Это избранный москвичами мэр и Городская Дума, “способные принимать самостоятельные решения, не обращаясь к федеральным органам власти”.

Действительно, Лужков, получивший свой статус владельца всея Москвы прямо из рук Ельцина отнюдь не праведным путем, и Городская Дума численностью 35 человек, избранная в условиях подавления оппозиционных настроений ничтожным меньшинством населения (не более 12% москвичей) — вот и все «самоуправление» десятиmillionного города. Сам Лужков немало потрудился, чтобы реальное самоуправление, доступное гражданам, затоптать насмерть, а Гордума, избранная поперек всякого законодательства, с декабря 1994 и вовсе утратила всякие признаки представительного органа, постановив продлить свои полномочия еще на два года. Просто взяла и постановила. А что ей было беспокоиться, если в стране беспредел?

Если принять все сказанное во внимание, Лужков выглядит в одних своих утверждениях примитивным лжецом, в других — глупцом. Отмечая признание мэра в том, что все сказанное им перед студентами РГГУ есть “философия власти в городе Москве”, можно заключить, что лишь в названии брошюры со стенограммой умствований Лужкова случайно попала щепотка правды. Лужков действительно продемонстрировал предельный “Эгоизм власти”, предельную ее некомпетентность и лживость по самому широкому кругу вопросов.

Добавим к этому крылатую фразу мэра: “Я бы мог завуалировать, мог бы сказать мягче, но я не привык облекать свои мысли в удобоваримые формы” (“Новое время” №52 1996, с. 12).

И вот чем эта нелюбовь к удобоваримости кончается: «Лично себя виню, что несколько лет назад не увидел эту тенденцию страшного развала и не инициировал тогда же создания подобной организации (речь о движении «Отечество» – прим. авторов). Когда развалилась КПСС, я, как и многие, наверное, сказал себе: все больше никакие политические системы для меня не существуют, я делаю свое дело, и идеологии мне искать нечего. В России создан политический вакуум, который заняли гайдары, чубайсы и иже с ними. И мы оказались просто вынуждены заговорить о своей политической организации, потому что страну буквально нужно спасти. Сейчас нужно принимать меры не в режиме спокойных решений, сейчас требуются активные, неотложные “спасательные пояса”» (из выступления в г. Раменское, материалы пресс-центра ОПОО «Отечество», 1998).

В последних словах усматривается попытка уклониться от ответственности и заболтать свою прогайдаровскую, проельцинскую позицию. Мол, «на хозяйственной платформе» пребывал и ведать ничего не ведал. Ложь! Все ведал и сотрудничал с Кремлем, с самым отвратным ворьем, с душегубами и клятвопреступниками как никто – в этом была «философия московской власти» под руководством Лужкова.

* * *

В дебилизированном обществе чиновникам демонстрировать свое невежество, оказывается, вовсе не стыдно. В этом деле номенклатура проявляет даже какое-то особое обаяние. Лужков вовсе не одинок в своих попытках положить на бумагу собственное тщедушное жизненное кредо. У него есть последователи и конкуренты в этом деле.

Так, лужковский префект Брячихин (из бывших партийцев районного уровня) все-таки стал доктором экономических наук, не имея за душой никаких научных работ. Формальным основанием для присвоения степени формально стала аб-солютно пустая книжка “Сколько власти нужно власти”, реальным — должностное положение и распоряжение громадной собственностью Западного административного округа Москвы.

В начале 1995 года Брячихин выпустил еще одну двухсотстраничную пустышку “Власть в городе”. По всей видимости, это “фундаментальное исследование механизмов городского управления” послужит поводом для присвоения академического звания. Ведь в книге сделаны фундаментальные открытия!

Во-первых, открыта принципиально новая система местного самоуправления, которая должна, согласно Брячихину, формировать условия для развития и обострения конкуренции. Как и Лужков, Брячихин не понимает, что обострение конкуренции вовсе не оптимизирует экономику, а самоуправление надо держать от конкуренции подальше. Последнее необходимо в силу того, что смешение самоуправления с конкуренцией дает в виде неизбежного результата коррупцию. Именно таким образом сложилась «философия власти» в Москве, и именно ее Брячихин, сам не ведая того, оправдывал.

Во-вторых, Брячихин полагает, что “в нынешних условиях управленческая деятельность должна приобрести черты некоммерческого предпринимательства”.

Это что еще за околесица? - спросит непосвященный читатель. О, это — «мудрость», «философия» московского чиновничества, пытающегося выдать из себя хоть каплю чего-то нового! Тщетно, тщетно и уже немало лет без всяких надежд на успех очередной попытки. Практика подтверждает полную творческую недееспособность этих «философов». Уж лучше бы они плагиатом занимались, как Лужков, который сделал себя автором пчелиного улья, автором дорожной развязки, автором булочки особой формы и т.д. Вранье – да, но не отъявленная же глупость...

Дофилософствоваться можно и до такого: «Религия – это прежде всего вера. Я могу сказать, что верю в трудолюбие, добро, справедливость. Мне не нужен никакой посредник

между верой и мной. Религия – это не опиум для народа, это про-сто поддержка человека, который не может самостоятельно себя духовно содержать» («Кто есть кто» №4, 1999). Надо понимать, что Брючихин – может. Потому и обходится без Бога, пробавляясь социальными и либеральными благоглупостями.

Глупость-то на деле оборачивается бедой. Действительно, параллельно со своими умалишенными изысканиями Брючихин проводит эксперимент по обслуживанию жилья частными фирмами в своем административном округе (МП 11.08.94), а его супрефекта (бывшего депутата Моссовета) берут с поличным при получении крупной взятки (Ъ-daily, 21.10.94). Так что, номенклатурная «наука» с номенклатурной практикой идут рука об руку по пути абсурда.

Номенклатурные эксперименты традиционно на руку разным пронырливым личностям. Настолько пронырливым, что даже Лужков не вытерпел их наглости и в феврале 1994 создал специальную комиссию по поводу “экспериментов” в Западном административном округе Москвы. По результатам ее деятельности были арестованы взяточники из числа супрефектов и замначальника одного из управлений префектуры. Взятки брали за предоставление помещений под офисы, махинации со строительством гаражей и прочее.

Российский министр внутренних дел А.Куликов как-то раз обнародовал факт, что 70% площадей, занимаемых госучреждениями, сдается ими в аренду. Деньги в бюджет при этом никто перечислять не собирается, а разница между ком-мерческой и льготной ставкой аренды зачастую кладется в карман чиновником. И это самый распространенный бизнес московской бюрократии. Ведь наиболее обширный фонд служебных помещений расположен в Москве.

В свое время Моссовет пытался взять под контроль предоставление этих площадей в аренду, наполнить платежами бюджет. Лужков не дал – предпочел наполнять карманы чиновникам-ворюгам. Вот и вся «философия».

Каждый раз, когда читаешь “размышлизмы” Лужкова, становишься свидетелем продукта “образованщины” — попытки излагать поверхностно усвоенные или просто случайно подслушанные мысли - в силу своей индивидуальной должностной специфики и поставленной бюрократической задачи. В этом случае так и хочется сказать: “Сударь, вы невежа!”.

Лужков, за два года до того, популяризирующий самый примитивный и радикальный либерализм, к 1997 году стал патриотом-державником. Вот и в своем выступлении на российско-белорусском форуме (РФ №5, 1997) он начинает оправдывать “имперские замашки” тем, что наш менталитет никогда не согласится на существование в маленькой стране на задворках Европы. Обрушивается Лужков и на Запад, и на либерал-демократов, ангажированных Западом, и на СМИ, которые по убеждению Лужкова (вот какое открытие!) не сделали ни одной ошибки в служении силам расчленения страны.

Более того, Лужков вдруг признает, что подавляющее большинство граждан России сожалеет о распаде СССР, а принятая в 1991 году схема СНГ никого не устраивает. (Заметим, что даже принятая тогда схема усилиями таких политиков, как Лужков, была провалена. На ее месте возникло нечто другое – убогое и уродливое «содружество» со страной-обрубком во главе.)

Возникает вопрос, с чего бы это мэр города, который (город, да и мэр) сам более всего кормился с рук Запада и жирел, когда страна приходила в упадок, вдруг бросился осваивать ранее чуждую ему риторику? Что за пружина сработала в “органчике”, уже несколько лет говорившем на другом языке?

Ответ прост. Лужков, стремящийся к президентскому креслу, интуитивно почувствовал, что для успеха избирательной кампании надо совершить подвиг. Вот и прикипел московский мэр к интеграционным инициативам президента Белоруссии Лукашенко. А заодно выболтал и свою тайную стратегию.

Суть стратегии состоит в том, чтобы добиться диктаторских полномочий, перенеся московский эксперимент на всю Россию. Внешне формулируется вполне благовидная цель — снижение числа “субъектов” Федерации до 10-12 (тоже, кстати, уворованная мысль — теперь у Конгресса русских общин, несколько лет кряду до того требовавшего того же).

С точки зрения управления это вполне логичный шаг. В других руках и других мозгах он мог бы стать благотворным для страны. Но тут Лужков вспоминает, как извел 33 московский района, заменив их 10 префектурами. Вроде тоже положительное действие в целях совершенствования управления. Только за этой внешней стороной, есть еще и истинное содержание — не совершенствование, а слом всей машины управления с целью рассадить по доходным местам своих людей и установить фактическую личную диктатуру. Вот и для России предлагается “укрупнить” субъекты федерации, а по сути — ликвидировать любое народное представительство, как это сделано в Москве. Иначе говоря — воспроизвести номенклатурную систему в самом отвратительно ее виде. Потом на ее месте вырастут, как в Москве, новые ступеньки номенклатурной иерархии — московским (лужковским) 130 райончикам найдется соответствие и на просторах России.

Стоит ли говорить, что лужковская схема государственного управления чудовищно неэффективна, с точки зрения экономики, предельно антидемократична, да еще лишена и всех преимуществ жесткой диктаторской власти, особенно эффективной в ситуации кризиса для преодоления этого кризиса. Не будучи круглым дураком, Лужков пропагандировал бред, имея целью обмануть, проташить под благовидным предлогом и прикрытием патриотической лексики предельно либеральную схему, уничтожающую последние остатки государственности. Распространяя свой способ правления на Россию, он стремился распространить на нее и все прелести московской экономики — повязанной Западом и насквозь коррумпированной.

Соответственным образом строит Лужков и свои представления о формировании системы власти. Он ее видит примерно так. Самоуправляющиеся сообщества делегируют более высокому уровню власти те полномочия, которое хотят. Причем не навсегда, а до тех пор, пока это выгодно. Это называется системой корпоративного интереса. (А на самом деле - всего лишь грубо перелицованная теория “общественного договора”, попытки внедрения которой хорошо видны в плачевном состоянии современной России.) К этой системе примыкает принцип функционирования власти, изобретенный Лужковым, - принцип конкурентного платного служения. Мол, тогда власть не рассматривает общество как источник доходов, а всего лишь находится на службе, на которую ее нанимает общество. Попытки внедрения такого понимания власти мы видим вместе с результатами в условиях коммунистического правления, измучившего страну застоём, а потом уступившего ее по сходной цене наглым и жестоким разбойникам.

Вместе два принципа, изобретенные Лужковым, создают гремучую смесь, призванную взорвать мозги запутавшегося в своих пристрастиях избирателя. Он должен узнать здесь и нечто демократическое, и нечто патриотическое одновременно, а значит — поддержать Лужкова, который, якобы, будет находиться на службе в условиях конкуренции с другими чиновниками. Дудки! При Лужкове никогда и никакой конкуренции не возникало! Ни в экономике, ни в политике.

Кончено все эти теоретические измышления московского бюрократа — бред чистой воды. Но бред вполне осознанный. Лужков осознает, что невежество становится в его руках оружием борьбы за охмурение избирателя и обман политической элиты. Тут Лужкову, пожалуй, нет равных.

Чтобы закрыть тему — картинка, достойная пера. Это Лужков-изобретатель — о чем мы поминали выше. На международной выставке он представил какое-то колесико неясного назначения, объявил себя автором и тут же получил премию. Только между делом мы узнали, что колесико мэр изобрел в составе «большого творческого коллектива». Ну и еще. Лужков, как оказалось, изобрел и круглый улей. Ему невдомек,

что медовые колоды испокон века делались круглыми. Теперь, правда, лужковский улей сделан из пластика и пенопласта. Вероятно, за производство этой пропахшей фенолом продукции фирма-изготовитель щедро отблагодарит московского мэра. И за пирожки-расстегаи, которые каждая толковая хозяйка умеет печь, тоже кто-то глубоко поклонился Лужкову. И в карман тоже не забыл конвертик положить.

Выдать свои гнусные изобретения в качестве рецепта спасения — это высший пилотаж! Доказать рабам, что они абсолютно свободны — блестящий ход номенклатурного пройдохи! Не зря многие академии домогаются членства у них московского мэра. Такой талант пропадает...

А вот еще — образца 1999 года. Когда мэр метил в президенты. И надо было ему показать что-то «свеженькое» - чтоб народ понял и восхитился, признал за своего. Ельцин показывал с ноги ботинки «Скороход» и раз проехался в троллейбусе. А Лужков стал лекции читать — в народном духе. И рассказы пописывать — в том же духе.

Лужков-писатель — это неисчерпаемый клад для того, чтобы раздеть эту персону, оборвать с нее фиговые листочки и показать публике действительную натуру.

Наверное, самое важное его признание — блатной образ мысли, который будущий московский градоначальник впитал в своем детском дворе. В его память врубилась «понятия» воровской среды — до такой степени, что сам того не ведая, Лужков всегда и жил по этим понятием.

Вот в своих воспоминаниях о студенческой работе в одной башкирской «зоне» Лужков передает воровскую «феню». Неподготовленный читатель с трудом уловит смысл, которым сам Юрий Михайлович просто упивается. Он пишет, что с детства «понимал блатнячок», но сокрушается, что все это — «отдельные слова, а не умение думать на жаргоне». Для нас, сырых, блатное сочинение-изложение бесед с тюремным паханом — и есть проявление определенного мировоззрения, «умение думать на жаргоне» и даже желание так думать.

Лужков лишь в конце рассказа пытается ставить себя в оппозицию блатной среде. Но это только в той части, где он говорит о методах телевойны против его персоны в 1999 году. Все это он объявляет партийно-блатной коалицией против него. А до этого в словах пахана (который на Лужкова произвел вовсе не отталкивающее впечатление), он видел альтернативу режиму, где нет истинной свободы. И отлито это в неслучайную в устах Лужкова фразу, запавшую ему в душу от пахана: «вор - дело фартовое. Тут не бабки важны, философия».

Вот где была смущена душа Лужкова, вот где затаилась страсть к не связанному ничем произволу: «воры не идут ни на какой сговор с властями, не участвуют в социальной жизни, не признают государственной и партийной машины. Они держат свое сообщество, отгораживаясь правилами и запретами, жаргоном и ритуалами. Они существуют как бы в параллельном мире, в другой системе координат, со своим кодексом чести и "правильными" понятиями».

Этот нигилизм врос в сознание предперестроечной номенклатуры: «Бог устроил мир не по вашим законам, а "по понятиям"». Потому и рухнул закон, а за ним — страна.

В общем, Лужков прав: «блатная культура, выпестованная в зоне, была запрошена именно властью». Только он заметил это когда телекомментатор, разоблачавший его, «шестерил как типичный сывка». Мы же увидели то же самое со стороны самого Лужкова и ельцинской шайки, в которую он входил, уже в 1991 году. Именно тогда с участием Лужкова началась «война новых законников за блатную утопию. Мечта устроить власть "по понятиям". Сделать зону образцом общественного устройства».

Ложь стала для Лужкова частью натуры. Он даже не замечает, как вываливает на бумагу откровенную чушь: «однажды в конце девяносто второго года в мой кабинет вошла старушка с авоськой в руке». Кто бывал в указанный период в указанном месте, знает, что никаких старушек там и в помине быть не могло. И не только старушек. К

Лужкову не мог бы попасть и депутат, для которого мандат народного избранника открывал множество дверей.

Не зря Лужков назвал свой рассказик «Мистика». Ему померещилось – что-то такое было, но что – мы уже не узнаем. Какая-то «муза» спустилась с потолка мэрского кабинета и нашептала ему судьбу – построить Храм Христа Спасителя.

Все вранье, все! И утверждение Лужкова, что к 90-м годам бассейн «Москва» представлял собой развалины и свалку, и то, что никто не собирался воссоздавать Храм. Дискуссии на эту тему шли не один год, а в начале 90-х у бассейна постоянно шли молебны и крестные ходы. Сам же Лужков тогда планировал восстанавливать не храм, а бассейн. И только мощное движение верующих его остановило. А решение строить храм возникло в голове мэра лишь в 1995 году. И не так, чтобы «как-то вечером» «напроситься на прием к Патриарху», будто бы и не ведающему о планах такого строительства. Боже мой, до какой же степени нужно потерять голову, чтобы рассказывать публике, как ты убеждаешь Патриарха строить храм, который еще сомневается и спрашивает о подробностях!

Да, видно была какая-то мистическая «старушка», чтобы помочь Лужкову в речи на открытии Храма призвать ее в свидетели, заставить вручить невесть откуда взявшуюся старинную Библию Патриарху и ввести публику в «ошеломление, экс-таз, восторг».

Не забудем, что весь этот «пиар» состоялся на излете 1999 года, и был запланирован именно на этап президентской избирательной кампании. Вот там как раз и востребован был экстаз. Ни Храму, ни Церкви экстаз не только не нужен, эта душевная разгоряченность театрализованной сценой им претят, а для зараженных горячкой душ – просто вредна.

Следующий фрагмент «философии московской власти» открывается для нас с новой стороны предисловием академика Велихова, который, как говорили в свое время умудрился «использовать атом не в мирных и не в военных, а в личных целях». На этот раз физик-академик признался, что «путь науки в таких условиях слишком долог и тернист», «а действовать приходится немедленно». И таким образом дал карт-бланш Лужкову, который в своей «народной смекалке» никогда не полагался на науку. Ему ближе другие методы. Как отмечает Велихов, «Жванецкий объяснял больше, чем экономические науки». Вот и Лужков туда же – к своим «Российским законам Паркинсона».

Позвольте, но при всем этом, Лужков ссылается на Макса Вебера, прочитать которого не всякому гуманитарии дано – не то что выпускнику «керосинки»! Да дело в том, что «научная харизма» все равно оказывается нужной в избирательных целях, и литературный негр вставляет имя немецкого социолога в текст, а Лужков его произносит перед аудиторией.

Вот что точно от Лужкова – это хамская строка подонка Губермана против тютчевской строки, славящей Россию. Лужков сладострастно цитирует Губермана: «Давно пора, ...три точки... мать, умом Россию понимать». Это родное – от собственного номенклатурного «менталитета», дворового и блатного воспитания.

Лужков пытается выявить «национальные особенности» – в смысле «свойств среды, социального целого». Вот когда выявим – тогда, по Лужкову, поймем (умом! – как говорит Лужков, а не верой, как завещал Тютчев) причины неудачности наших «реформ». И тем же языком – с прибауточками – объясним народу, что к этому безобразию поклонники Паркинсона никакого отношения не имеют.

Интересно, как повернулся ум Лужкова, когда он взял в руки машинописную копию «Законов Паркинсона» – «трижды перечитал текст и запомнил на всю жизнь. Он, можно сказать, изменил мой взгляд, дал угол зрения на ситуации, с которыми сталкивался почти ежедневно». Вот, оказывается, откуда «научная харизма» в сочетании с народной смекалкой! Тут невольно поймешь, что на образование надо «наплевать и забыть». Паркинсон – вот гений современности, подобный Копернику и Ньютону. «“Законы

Паркинсона» — нечто аналогичное квантовой революции в физике». Именно Паркинсон, по мысли Лужкова, должен заменить либеральных авторитетов Хайека с Фридманом. Этих можно читать. Но по методу Лужкова исключительно после Паркинсона. А все потому, что он ближе к нашей «ментальности», к нашим пословицам. Слушайте Лужкова, господа ученые — доценты с кандидатами! По пословицам надо жить и пословицами управлять — надо, чтобы «подобные истины стали фактом поголовной грамотности, вошли в школьные учебники». А если не поймут — то матерком их в три этажа.

Но дальше-то, дальше что! Лужков просто про себя, да про себя (хотя вроде как про кого-то другого): «чем больше капитализма и рынка по рецептам Фридмана и МВФ, тем больше российского феодализма на деле. Строили рыночную экономику, а получили “блефономику”. Делали свободную конкуренцию, а построили систему, где главная прибыль извлекается не за счет успеха на рынке, а за счет распределения “властной ренты”, умения ладить с авторитетами, жить по понятиям и так далее».

Да, нет — все-таки про себя это он... Потому что Лужков вовсе не критикует безобразия, он их оправдывает «ментальностью». Так, мол, было у нас всегда. Просто это надо понять, а поняв — начать управлять. В смысле «такого управляемого хаоса», где все воруют и, как указывает нам Лужков, получают от этого удовольствие. Это про нас — про всех! (Может, спутал автор чего — своих с чужими смешал? Его «свои» — точно крадут все, что плохо иль хорошо лежит. А мы-то для таких «своих» как раз совсем чужие!)

Весь свой жизненный опыт, жизненное кредо, опыт участия в ельцинской команде Лужков сконцентрировал в описании такого общества: «Идеальное состояние подобной системы — чтобы был царь, который плохо соображает, которого надо хвалить, опутывать, подсовывать разные кризисы и вообще всеми способами выводить из строя. Чтобы он за все отвечал и не мог сообразить, что делает. А под крышей у этого царя-вождя-кумира заниматься своими делами, не по закону, а по понятиям, то есть законам неписаным, которые воплощают единый принцип российского общежития: “Живи и жить давай другим”». Лужков знает, что говорит. И мы знаем. Мы знаем, что они (и он) так живут и так жить хотят.

Вообще лужковские умствования, если говорить серьезно, любого русского человека должно просто оскорблять. Одно дело, когда народ в пословицах высмеивает самого себя, свои пороки (которые вовсе не есть «менталитет»), когда эти пороки (вовсе не распространенные сплошь) смехом и иронией бичуются, другое дело, когда наглый чинуша делает народную мудрость половой тряпкой для своей нечистоплотной «аналитики». У Лужкова по всему получается, что дело не в разорительных реформах, а в русском «менталитете» — мол, не могли реформы при та-ком народе пойти нормально, и это надо было видеть наперед. Вот лишь в чем упрек Лужкова гайдари-чубайсам — надеется на авось, на манну небесную, не видели наперед, что народ — дрянь: ленив, воруют и страну свою не любят!

Все-таки Лужков напоследок в своей «лекции» успел шаркнуть ножкой: мол, не народ плохой, а страна плохо управляется. А что такое «управляется хорошо»? Лужков прямо-то не говорит. Но проговаривается, формулируя закон тунеядца: «отстроить систему, где все бы работало само собой, почти без вмешательства власти». То есть, чтобы все у нас было и ничего нам за это не было. Но это в перспективе, пока есть опасность ответственности. А до того — закон держиморды и «белокурой бестии»: «в нужный момент волевым усилием поперек всего поворачиваешь тенденцию, изменяешь направленность, и люди, оказавшись в таком волевом поле, начинают действовать». И бутерброд у Лужкова уже не падает маслом вниз. Причем на это способны, как пишет сочинитель, только «центристы». Гвозди бы делать из этих людей!

И запишите себе в блокнотик, как делает мэр: «Главное заблуждение науки об управлении — будто вообще есть такая наука». Так сказал Лужков. Хау!